

ГОВОРЯТ ОБВИНЯЕМЫЕ ПО «ДЕЛУ МАЦУКАВА»

СИРОДЗИ САТО

Авторы публикуемых ниже стихотворений — бывшие обвиняемые по так называемому «делу Мацукава», сфабрикованному японо-американской реакцией в 1949 году. Целых двенадцать лет тянулся судебный процесс против двадцати японских рабочих, обвиненных в железнодорожной диверсии. Ни в чем не повинные люди были приговорены к смертной казни, пожизненной каторге, длительным срокам тюрьмы. И все-таки правда победила. Под давлением мировой общественности, перед лицом неопровержимых фактов реакция отступила: суд вынужден был пересмотреть дело и оправдать рабочих. Японский рабочий класс одержал серьезную победу.

Будучи в тюрьме, некоторые из обвиняемых по «делу Мацукава» освоили новое для них оружие борьбы — перо писателя, перо поэта. Осужденный на казнь, Хадзимэ Сато создал в камере-одиночке повесть «Приговоренные», в которой гневно разоблачает творимый над ними судебный фарс. Герои повести не вымышленные. Это товарищи Сато по оружию, товарищи по борьбе за правду.

В настоящее время все обвиняемые по «делу Мацукава» находятся на свободе, продолжая борьбу, которую ведет героический рабочий класс Японии, за лучшую жизнь, за правду, за светлое будущее.

ДВА СЛОВА

ПИШУ...

Почерк —
Не самое главное в творчестве...

Пусть иероглифы
Так неразборчивы,
Так некрасивы —
И косы и кривы,
Что трудно прочесть их.
Но если —
Правда в строчках косых,
Но если —
Строчки взывают к чести,
Что может быть прекраснее их!

Вот почему
Я снова и снова
На белом листке не оды —
Два слова пишу,
Всего два слова:
«МИРА! СВОБОДЫ!»

МАКОТО СУДЗУКИ

ВОРОБЕЙ ИЗ „РАЯ СВОБОДЫ“

Окошко величиною с кулак
Забито, но доски рассохлись немножко,
И узкой полоской, режущей мрак,
Падает в камеру свет из окошка.

К щели я жадным взором приник,
Впился в цветущий мир нетемницы,
И слышу я: «Чик-чирик! Чик-чирик!» —
Воробей на тюремном дворе резвится.

Ах, как он ловок: прыг-скок, прыг-скок!
Подпрыгнул и тотчас клювом добротным
Крепко схватил просяной колосок,
Подмял под себя и клюет беззаботно.

Колосок изогнулся от боли в дугу,
Задыхается, плачет — горя немало!
И слышу я: «Больно!.. Ой, не могу!»
А воробей — как ни в чем не бывало.

Снова подпрыгнул, согнул пополам,
И снова взмолился мученик с плачем...
Кусочек «рая свободы» там!
Ах, воробей, как ловко он скачет!

Но боль колоска, словно рана в груди...
Не выдержал я и крикнул в щёлку:
«Слышишь, ты, там, воробей!... Уйди!
Брось колосок, а не то...» — и смолкнул.

А воробей насмешливо мне:
«Ну чем ты поможешь! Ведь ты же в склепе!»
И смело подпрыгнул к тюремной стене.
Но вдруг чья-то тень промелькнула в небе,

И грохот раздался в небе, как гром, —
Летят самолеты, маневры в разгаре,
И залпы орудий гремят кругом,
И воют сирены, как при пожаре...

Так часто все это! Но даже и он
Испуганно смотрит на синие своды:
Не может привыкнуть, что здесь полигон,
Смелчак-воробей из «рая свободы».

Перевел с японского
Анатолий Мамонов